

НАУЧНЫЙ СТАТУС ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИИ МЕТАЯЗЫКА

Д. К. МАНОХИН

*Белгородский
государственный
университет*

Статья посвящена проблеме научного статуса литературоведения. Автор рассматривает трансформации языка литературоведения и выявляет способы решения обозначенной проблемы: вторичный методологический контроль и взаимодополнительность филологических парадигм. В этом контексте наличие множества исследовательских направлений является условием статуса литературоведения как рационального проекта.

Ключевые слова: литературоведение, филология, язык, наука, парадигма.

Филологи конституируют в своих теориях различные подходы к пониманию научного статуса литературоведения. Эти подходы можно редуцировать к двум диаметрально противоположным концепциям:

1) теоретико-методологические нормы литературоведческого познания изоморфны общепринятой интерпретации научной рациональности (парадигмы структурализма, рецептивной эстетики, нарратологии);

2) литературоведение – специфическая дисциплина, руководствующаяся иными, нежели принято в естественнонаучной среде, критериями научности исследовательского дискурса (парадигмы герменевтики, деконструктивизма, постструктурализма).

При всем различии ранее названных концепций та же герменевтика, как показал В.М. Розин в монографии «Типы и дискурсы научного мышления»¹, использует фундаментальные исследовательские процедуры естественнонаучного дискурса. Анализируя тексты М.М. Бахтина, Розин отмечает, что «внутри субъективной бахтинской «рамки» реализуется строгий объективный научный подход: формулируются проблемы и эмпирические особенности произведений Достоевского (их требуется объяснить теоретическим путем), строятся идеальные объекты, более сложные случаи сводятся к более простым и уже изученным <...> формулируются <...> теоретические знания <...> и, наконец, теория»². Таким образом, различие между концепциями научного статуса литературоведения заключается не в акцентировании отсутствия/присутствия этапов исследовательской работы, выделенных Розиным, а в метаязыковой репрезентации этих этапов. Методологическая ориентация филологии на естественнонаучный идеал познания во многом явилась следствием попытки эмансипации литературоведения от эстетических теорий, созданных в рамках философского дискурса. В результате литературоведы обратились к заимствованию элементов метаязыка лингвистики. Причем данный процесс характерен и для первой, и для второй концепции (разница, как мы увидим, состоит в способах отношения к заимствованным элементам). Для того, чтобы выяснить специфику взаимодействия литературоведения и лингвистики, обратимся сначала к особенностям этого взаимодействия в рамках дискурса нарратологов и структуралистов.

Стремление к инкорпорированию терминов/концептуальных структур метаязыка лингвистики (включая лингвосомиотическую теорию) в состав литературоведческого дискурса было обусловлено надеждой, что эти элементы позволят выстроить филологические теории и конкретные интерпретации художественного текста по типу естественнонаучного дискурса. В частности, считалось, что экстраполяция синтаксиса лингвосомиотического языка на область литературоведческой теории придаст последней фор-

¹ См.: Розин, В.М. Типы и дискурсы научного мышления / В.М. Розин. – М.: Эдиториал, УРСС, 1999. – 248 с.

² Розин, В.М. Типы и дискурсы научного мышления / В.М. Розин. – М.: Эдиториал, УРСС, 1999. – С. 88, 90.

мальную организацию дедуктивной системы. В этом отношении показательны теоретические трактаты Р. Барта³. Допускалось также, что применение названного метаязыка в рамках литературоведческой интерпретации того или иного художественного произведения обеспечит возможность ее последующей эмпирической проверки. Это возможно благодаря тому, что назначение подобных терминов состоит в репрезентации фактов, установленных в ходе семиологических исследований. Так, лингвист, литературовед и семиолог Р. Якобсон и антрополог К. Леви-Стросс в работе ««Кошки» Шарля Бодлера»⁴ используют метаязык лингвистики в качестве методологического средства интерпретации поэтического текста. При этом истолкование стихотворения Ш. Бодлера в «идейно-тематическом» плане ничем не отличается от расхожих школьных трактовок, но получает свой структурно-лингвистический коррелят. То же характерно и для исследований французского литературоведа А.-Ж. Греймаса⁵, обосновывающего традиционное понимание народных сказок логическими таблицами и схемами. Однако следует отметить, что некритическая рецепция клишированного истолкования литературных стандартов была обусловлена пропедевтическим характером названных работ. Как показывает история развития лингво-литературоведческого подхода, внимание к лингвистической фактуре художественного дискурса способно как уточнить уже имеющиеся интерпретации, так и выявить специфику «нечитабельных» текстов авангардной литературы⁶.

Отмеченный ранее подход к пониманию научного статуса литературоведения, суть которого состоит в стремлении трансформировать последнее в точную науку, имеет значительные следствия для развития литературоведческого познания. Использование метаязыка лингвосомиотики как средства исследования художественного текста позволило акцентировать важную теоретико-методологическую проблему литературоведческого дискурса. Традиционное литературоведение, императивы которого, как правило, отражаются в академических учебных пособиях по теории и истории литературы, зачастую проявляло чрезмерное внимание к тематико-содержательному компоненту литературного произведения. При этом этот компонент артикулировался в зависимости от прояснения так называемых «внешних» детерминаций художественного текста – биографии писателя, культурных реалий той или иной эпохи. Данный подход характерен для проекта «конкретного литературоведения» Д.С. Лихачева. В рамках этого проекта «объяснения» трудных мест литературного текста «отыскиваются в исторической действительности, в быте и обычаях, в реалиях города, даже в самой предшествующей литературе, взятой как некая реальность»⁷. Лихачев справедливо замечает, что исследования подобного рода обеспечивают точность, доказательность и достоверность литературоведческих текстов, а также обеспечивают теорию и историю литературы надежным материалом, позволяющим избежать субъективизма в интерпретации литературного процесса. При этом российский филолог делает важное в методологическом отношении примечание: «Конкретное литературоведение совершенно не стремится вытеснить какие-либо другие подходы к литературе. Оно имеет свою область, и эта область очень важна»⁸. Однако акаде-

³ См.: Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196-238; Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 247-310.

⁴ См.: Леви-Стросс, К. «Кошки» Шарля Бодлера / К. Леви-Стросс, Р.Якобсон; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 98-118.

⁵ См.: Греймас, А.-Ж. В поисках трансформационных моделей / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 171-195; Греймас, А.-Ж. Размышления об актантных моделях / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С.153-170.

⁶ См.: Барт, Р. Драма, поэма, роман / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 312-334.

⁷ Лихачев, Д.С. Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. – Л.: Сов. Писатель. Ленингр. отд-ние, 1984. – С. 8.

⁸ Там же.

мические теория и история литературы, призванные к обобщению результатов частных («специальных») исследований, имеющих различную методологическую направленность, чаще всего ограничивались рассмотрением достижений «конкретных» литературоведческих подходов. Альтернативные теоретико-методологические комплексы, направленные на изучение лингвистических (имманентных) структур художественного дискурса либо интерпретировались как маргинальные, либо числились по разряду лингвистики, радикально отличной по своим целям и задачам (исследование языка, а не феномена художественной литературы) от литературоведческой проблематики. Данная позиция приводила как к возможности редукции теории и истории литературы к эмпирическим фактам, установкой и обработкой которых занимаются история, психология и социология, так и к созданию квазиспекулятивных конструкций, когда возникала необходимость обсуждения языка/стиля художественных произведений. Таким образом, игнорирование лингвосомиотической компоненты литературы было причиной разного рода теоретических проблем. Это игнорирование, характерное для традиционного литературоведения на протяжении XIX – 1-й половины XX вв., тем более удивительно, что литература, как заметил П. де Ман, «всегда вынашивает свой собственный формализм»⁹. Ведь сама этимология слова «литература» «[лат. *lit(t)eratura*, букв. – написанное, от *lit(t)era* – буква]»¹⁰ указывает на необходимость повышенного внимания к формальной организации художественного произведения. В этом контексте акцент на исследовании лингвистической фактуры художественного дискурса и требование обоснования интерпретации текста языковыми феноменами имеют дополнительную значимость, так как позволяют точнее артикулировать специфику литературы и филологического подхода к ее изучению. Главная проблема, которая может возникнуть при универсализации лингвосомиотического анализа художественного текста (речь идет не о структурализме, судьба которого ясна), – это опять-таки утрата литературоведением своей уникальности вследствие превращения литературы в один из вариантов языка/кода, изучаемых в рамках лингвистики/семиотики. Решение этой проблемы (как и проблемы возможности редукции специфики литературоведческого дискурса к особенностям когнитивных актов других гуманитарных дисциплин) состоит во взаимодополнительном сочетании «конкретных» и лингвосомиотических исследований, тем более, что те и другие постулируют установку на точность и объективность филологического знания, достигаемую в ходе применения специальных методологических процедур. Также названную проблему можно снять путем реанимирования и теоретико-методологической трансформации риторики – научной дисциплины, традиционной для классической филологии. Мы вернемся к этому при обсуждении реакции на лингвоцентризм современного литературоведения со стороны таких направлений, как деконструктивизм, герменевтика и постструктурализм. Сейчас же проясним еще одну теоретико-методологическую коннотацию рассматриваемого подхода к пониманию научного статуса литературоведения. Эта коннотация позволяет полнее объяснить возможность использования терминов «филология» и «литературоведение» как словоформ синонимического ряда.

Акцент на изучении лингвистической природы художественного текста позволил тематизировать проект взаимной интеграции научных дискурсов литературоведения и лингвистики. Как отмечает П.А. Николаев, «<...> детальная характеристика<...> литературного стиля произведений, несмотря на его «атомизацию» <...> объективно убеждала в поспешности заявлений об отмирании древней науки – филологии. Многие стали говорить о необходимости единства «лингвистического формализма» и «литературоведческого стиля», т.е. о принципах филологического анализа, который исходит из внутренних связей между научными дисциплинами»¹¹. Этот проект позволил демистифицировать разрыв между названными научными дискурсами, еще более укрепив современное зна-

⁹ Ман, П. де. Аллегории чтения / П. де Ман; пер. с англ. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 10.

¹⁰ Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – С. 186.

¹¹ Николаев, П.А. Методологический аспект проблемы / П.А. Николаев // Принципы анализа литературного произведения / Под ред. П.А. Николаева и А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 3.

чение слова «филология», под которым стало подразумеваться единство/комплекс литературоведения и лингвистики. В «Литературном энциклопедическом словаре» представлено сходное понимание филологии: «Слитность Л. [литероведения – Д.М.] с др. гуманитарными дисциплинами фиксировалась прежде понятием *филологии* как синтетич. науки, изучающей духовную культуру во всех ее языково-письменных, в т.ч. лит. проявлениях; в 20 в. это понятие передает обычно общность двух наук – Л. [литероведения – Д.М.] и лингвистики <...>»¹².

Следует отметить, что проект интеграции лингвистики и литературоведения приобрел дополнительную важность в контексте возраставшей на протяжении истории филологических наук дифференциации дисциплин, существовавших ранее в неразрывном единстве. Литературоведение, как пишет Г. К. Косиков, «<...> относительно молодая дисциплина; время ее формирования относят обычно ко второй половине XVIII – началу XIX века <...> до середины XVIII столетия в теории словесности практически безраздельно господствовали нормативные «Риторика» и «Поэтика» Аристотеля»¹³. Таким образом, литературоведческие парадигмы, альтернативные классической филологии, возникли в рамках эпохи романтизма и приняли форму критического переосмысления постулатов нормативной теории литературы. Итогом этого процесса явилась лихорадочная смена литературоведческих направлений¹⁴ и, наконец, ситуация полипарадигмальности. Симптомом полипарадигмальной стадии эволюции литературоведческого познания как следствия акцентуации проблемы научного статуса литературоведения стало превалирование интеграционных процессов, характерных не только для отдельных дисциплин, но для исследовательских парадигм. В этом контексте показательны взаимодополнительность нарратологии и рецептивной эстетики, сохранение структуралистской методологии в постструктурализме, взаимное инкорпорирование и переосмысление концептуальных структур в герменевтике и деконструктивизме. Что касается проекта лингво-литературоведческого подхода к выявлению специфики художественного дискурса, то в среде литературоведов его эффективность не вызывает никаких сомнений. Это подтверждается новейшими академическими пособиями по *филологическому* анализу литературного произведения – «Филологический анализ текста» и «Художественный текст: Структура. Язык. Стиль». В первом из них подчеркивается комплексность используемого подхода¹⁵. Во втором «методика анализа» определяется «как последовательное рассмотрение литературного и затем лингвистического уровней текста, при том, что целью анализа является проникновение в смысловую глубину текста путем наблюдений за типом его структуры и функционированием языковых средств, служащих формированию и выражению смысла текстовых компонентов и художественного смысла целого произведения»¹⁶. Также необходимо отметить, что данные и подобные им пособия свидетельствуют, что интеграционные процессы пошли на пользу не только литературоведению, но и лингвистике, так как они позволили последней ввести в свой круг проблем проблемы субъекта дискурса и специфики риторических структур художественного текста.

Названные структуры традиционно были предметом исследования в рамках такой науки, как риторика, классические образцы которой созданы в период античности. Проект трансформации античной риторики в контексте современных достижений филологии, манифестируемый в качестве своеобразной «дополнительной» альтернативы лингвосомиотической ориентации, в наиболее радикальной форме предстал в рамках второй концепции научного статуса литературоведения. Имеется в виду понимание литературоведения как дисциплины, руководствующейся неклассическими представлениями об

¹² Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – С. 198.

¹³ Косиков, Г.К. Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе / Г.К. Косиков // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 5.

¹⁴ См. там же. – С. 5-38.

¹⁵ Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста: учеб. пособие для высш. школы / Л. Г. Бабенко, Ю.В. Казарин; под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – С. 2.

¹⁶ Художественный текст: Структура. Язык. Стиль / Под. ред. К.А. Роговой. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. – С. 8-9.

идеалах научной рациональности. Любопытно, что все исследовательские парадигмы, разделяющие названную точку зрения (герменевтика, деконструктивизм, постструктурализм), имеют «архаическую» направленность, тогда как школы, принадлежащие к ранее проанализированной концепции, характеризуются явным «модернистским» уклоном. Однако «архаика» в итоге приводит к авангардным тенденциям, а «модернизм» оказывается средством сохранения традиционных представлений о филологии как науке.

В этом отношении показательны исследования М.Л. Гаспарова¹⁷. Данные работы Гаспарова находятся на стыке обеих выделенных нами концепций, что указывает на возможность их взаимопресечения. Российский литературовед не является противником естественнонаучного дискурса и лингвосемиотического подхода, только для него они не имеют статуса концептуального идеала, поскольку производны от философско-филологической рациональности, коррелирующей с герменевтическим направлением. В качестве одной из главных методологических ориентаций его исследовательского дискурса выступает античная риторика. Гаспаров отмечает, что, «отказавшись от <...> системы понятий» античной риторики, современная филология «ничем ее не заменила. Поэтому <...> задачей» литературоведения «становится *пересмотр* и реконструкция <...> аппарата античной стилистики на основе *современного научного языкознания* [курсив наш – Д.М.]»¹⁸. Таким образом, он подчеркивает значимость лингвистического подхода к анализу литературного произведения, но требует внимания к той методологии, которая в состоянии артикулировать тропологические ресурсы художественного текста. Это, кстати, указывает на возможность более определенной трактовки размытого феномена художественности, под которым в контексте риторики подразумевается стилистическая организация текста, отличная от научного и философского дискурсов, а также современного судебного красноречия. Случай судебного дискурса особенно примечателен. Дело в том, что Гаспаров настаивает на использовании в литературоведческом исследовании не только античной системы тропов, но и статусов судебного обвинения. Методологическую эффективность этих статусов он демонстрирует на примере анализа текста А.П. Чехова «Хористка»¹⁹. Причем Гаспаров не просто обнаруживает сходство между драматическим диалогом и ходом судебного разбирательства, но выявляет специфику чеховского рассказа через акцентуацию *отклонения* от нормы судебной речи. Отсюда возникает тенденция к рассмотрению художественного языка в качестве риторически ненормативного дискурса. Это подтверждается маргинальными замечаниями о трудности различения границы между «ошибкой» и «художественным приемом»²⁰, а также о необходимости дополнения системы тропов «расширением значения слова» – «концептом»²¹. Таким образом, Гаспаров уточняет в своих исследованиях позицию лингво-литературоведения в отношении понимания филологии как точной науки (оказывается важно уловить и «неточность» художественного высказывания, что приводит к изменению/дополнению метаязыка). Также вследствие возрождения античной науки, артикулирующего связи между философией и филологией, он вводит в свой дискурс элементы «металитературоведческого» исследования.

Более радикальное переосмысление античной риторики демонстрируют представители Йельской школы. В этом случае внимание к риторическим элементам художественного текста во многом обусловлено критикой лингвосемиотического подхода. Так, П. де Ман в одном из разделов книги «Аллегории чтения», носящем символические на-

¹⁷ См.: Гаспаров, М.Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 424-472; Гаспаров, М.Л. Статусы обвинения в рассказе А. П. Чехова «Хористка» (1886) / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 473-476.

¹⁸ Гаспаров, М.Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 458.

¹⁹ См.: Гаспаров, М.Л. Статусы обвинения в рассказе А. П. Чехова «Хористка» (1886) / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 473-476.

²⁰ Гаспаров, М.Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 462.

²¹ Там же. – С. 456.

звание – «Семиология и риторика»²², отмечает, что специфика литературы состоит в несовпадении грамматических и риторических структур. Это несовпадение и приводит к амбивалентности текста, что, по сути, является одним из главных художественных эффектов литературного произведения (здесь налицо пересечение с маргинальными высказываниями М.Л. Гаспарова). В итоге оказывается необходимым деконструктивистское переосмысление метаязыка семиологии. Однако, данная деконструкция не имплицитно нейтральное отношение к метаязыку риторики, но, наоборот, указывает на необходимость продолжения критической работы. П. де Ман создает собственный вариант риторики как науки, исследующей амбивалентность языка литературы. Симптомом этого является постановка проблемы понимания системы тропов как некоей константы: «Классическая риторика <...> приводит к трудностям, характерным для всех попыток создания таксономии тропов; тропы – это *трансформационные* системы, а не системы координат [курсив наш – Д.М.]»²³. Показательно, что к данным результатам де Мана привело кропотливое применение классических литературоведческих подходов и невозможность игнорирования апорий, возникающих при их использовании. Как признается сам американский ученый, он, следуя методологическим правилам классической риторики и герменевтики, столкнулся с непреодолимыми интерпретативными трудностями в ходе *исторического* изучения литературы романтизма²⁴. Вследствие бескомпромиссного следования идеалам научного этоса де Ман и встал на путь деконструктивистского исследования.

Подобный путь характерен и для философской преемственности Йельской школы – Ж. Деррида. В его ранней работе «Голос и феномен»²⁵ тщательное комментирование текстов Гуссерля привело в итоге к радикальной интерпретации феноменологии, что создало условия для формирования деконструктивистского проекта. Примечательно, что на протяжении всего своего творчества Деррида также охотно пользовался терминологическим словарем риторики. В характерной для него манере французский философ в эссе «Хора» указывает на метафизическую структуру и философскую ангажированность таких тропов, как метафора²⁶. Этим он инициирует неожиданное деконструктивное металитературоведческое исследование терминологического аппарата риторики, который, как видим, вновь приобретает для литературоведения методологическую значимость.

Критическое/антинормативное отношение к традиционным идеалам научной рациональности характерно также и для литературоведческой парадигмы постструктурализма. Данная парадигма возникла во многом благодаря акцентуации логических/риторических аномалий художественного текста и критике любого методологического подхода (не только структурализма), не учитывающего данных аномалий. Постструктуралисты (Кристева, Делез) также переосмысливают метаязык риторики и лингвистику²⁷. Только в этом случае осознание полисемантизма фигурального языка приводит к заимствованию и видоизменению метаязыков не только названных наук, но и других дисциплин. Видоизменение имеет форму «эссеизации» научного дискурса (у йельцев метаязык скорее *дополняется* новыми терминами и элементами художественного дискурса под воздействием конкретных образцов анализа литературного произведения). Иными словами, постструктуралистский текст, в своих наиболее радикальных вариантах, превращается в литературно-критическое эссе.

²² См.: Ман, П. де. Аллегории чтения / П. де Ман; пер. с англ. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 9-29.

²³ Ман, П. де. Аллегории чтения / П. де Ман; пер. с англ. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 79.

²⁴ См. там же. – С. 6.

²⁵ См.: Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида; пер. с фр. С.Г. Кашиной, Н.В. Суслова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.

²⁶ См.: Деррида, Ж. Эссе об имени / Ж. Деррида; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 186-187.

²⁷ См.: Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез; пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.; Кристева, Ю. К семиологии параграмм / Ю. Кристева; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 484-516.

Таким образом, радикальное переосмысление классических идеалов научной рациональности в наиболее яркой форме проявило себя в специфических изменениях метаязыка литературоведения. В результате подобного переосмысления филологические парадигмы, разделяющие вторую из выделенных нами концепций научного статуса литературоведения, с одной стороны, в разной степени тяготеют к эссеистической форме организации научного дискурса, а, с другой, – находятся в контексте максимально усложненных «металитературоведческих» исследований. Последние обеспечивают определенный методологический контроль и заставляют филологов *всех* направлений уточнять и видоизменять свои теоретические постулаты. Позиция рассматриваемых школ указывает также на возможность взаимодополнительности концепций научного статуса литературоведения. Первая концепция легитимирует литературоведение как точную науку, которая, таким образом, дает знание о *константах* художественного текста. Вторая рассматривает литературоведение как критический дискурс, конституирующий амбивалентные/ полисемантические интерпретации литературного произведения и параллельно объясняющий, почему интерпретация не может быть иной. Для этого используются специфические фигуры метаязыка и методологические средства. Этот тип филологического исследования продуцирует знание о *динамике* текста, его трудно поддающихся категоризации элементах, наличие которых, тем не менее, производит один из главных художественных эффектов.

Научный статус литературоведения (как, впрочем, и любой другой науки) остается перманентно проблематичным, но уже в определенной степени понятны способы его прояснения, отчасти эксплицированные в рамках самого литературоведческого дискурса. Артикуляция специфики научного статуса литературоведения в рамках самой филологии не влечет с необходимостью возникновения некоей универсальной метапарадигмы филологического познания. Литературоведческие парадигмы не являются абсолютно несовместимыми типами научной рациональности. То, что позволяет им оппонировать друг другу, проявлять критический пафос – это наличие общих и пока не решенных фундаментальных проблем. В этом отношении само существование множества конкурирующих филологических парадигм является условием статуса литературоведения как *научного* (рационального) проекта.

Список литературы

1. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста: учеб. пособие для высш. школы / Л. Г. Бабенко, Ю.В. Казарин; под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 400с.
2. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196-238.
3. Барт, Р. Драма, поэма, роман / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 312-334.
4. Барт, Р. Основы семиологии / Р. Барт; пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г. К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 247-310.
5. Гаспаров, М.Л. Античная риторика как система / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 424-472.
6. Гаспаров, М.Л. Статусы обвинения в рассказе А. П. Чехова «Хористка» (1886) / М.Л. Гаспаров // Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М.Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 473-476.
7. Греймас, А.-Ж. В поисках трансформационных моделей / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 171-195.
8. Греймас, А.-Ж. Размышления об актантных моделях / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С.153-170.
9. Делез, Ж. Логика смысла / Ж. Делез; пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
10. Деррида, Ж. Голос и феномен / Ж. Деррида; пер. с фр. С.Г. Кашиной, Н.В. Сулова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 208 с.

11. Деррида, Ж. Эссе об имени / Ж. Деррида; пер. с фр. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 192 с.
12. Косиков, Г.К. Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе / Г.К. Косиков // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. Г.К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 5-38.
13. Кристева, Ю. К семиологии параграмм / Ю. Кристева; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 484-516.
14. Леви-Стросс, К. «Кошки» Шарля Бодлера / К. Леви-Стросс, Р.Якобсон; пер. с фр. Г.К. Косикова // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / Сост. Г.К. Косиков. – М.: Прогресс, 2000. – С. 98-118.
15. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова,
16. П.А. Николаева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 750 с.
17. Лихачев, Д.С. Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. – Л.: Сов. Писатель. Ленингр. отд-ние, 1984. – 271 с.
18. Ман, П. де. Аллегории чтения / П. де Ман; пер. с англ. С.А. Никитина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 368 с.
19. Николаев, П.А. Методологический аспект проблемы / П.А. Николаев // Принципы анализа литературного произведения / Под ред. П.А. Николаева и А.Я. Эсалнек. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 3-17.
20. Розин, В.М. Типы и дискурсы научного мышления / В.М. Розин. – М.: Эдиториал, УРСС, 1999. – 248 с.
21. Художественный текст: Структура. Язык. Стилль / Под. ред. К.А. Роговой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993. – 183 с.

SCIENTIFIC STATUS OF LITERARY STUDIES: TRANSFORMATIONS OF METALANGUAGE

D. K. MANOKHIN

Belgorod State University

This article is devoted to the problem of the scientific status of literary studies. The author considers the transformations of the language of the literary studies. By this way he reveals the solutions of the problem: the secondary methodological control and the mutually complement of the philological paradigms. In this context the great number of the investigative schools is the condition of the status of the literary studies as the rational project.

Key words: literary studies, philology, language, science, paradigm.